Дом без номера

Вадим Кожевников

SHOUT
SHARE
IT

- Кожевников Вадим

Кожевников Вадим
Дом без номера

Вадим Михайлович КОЖЕВНИКОВ
ДОМ БЕЗ НОМЕРА
Рассказ

Дымящиеся дома сражались, как корабли в морской битве.

Здание, накрытое залпом тяжелых минометов, гибло в такой же агонии, как корабль, кренясь и падая в хаосе обломков.

В этой многодневной битве многие дома были достойны того, чтобы их окрестили гордыми именами, какие носят боевые корабли.

Убитые фашисты валялись на чердаке пятые сутки, убрать их было некогда.

Ивашин лежал у станкового пулемета и бил вдоль улицы. Фролов, Селезнев и Савкин стреляли по немецким автоматчикам на крышах соседних домов. Тимкин сидел у печной трубы и заряжал пустые диски.

Нога Тимкина была разбита, поэтому он сидел и заряжал, хотя по-настоящему ему нужно было лежать и кричать от боли.

Другой раненый не то был в забытьи, не то умер.

Сквозь рваную крышу ветер задувал на чердак снег. И тогда Тимкин ползал, собирал снег в котелок, растапливал на крохотном костре и отдавал Ивашину воду для пулемета.

От многочисленных пробоин в крыше на чердаке становилось все светлее и светлее.

Штурмовая группа Ивашина захватила этот дом пять суток тому назад удачным и дерзким налетом. Пока шел рукопашный бой в нижнем этаже с расчетом противотанковой пушки, четверо бойцов - двое по пожарной лестнице, двое по водосточным трубам - забрались на чердак и убили там вражеских автоматчиков.

Дом был взят.

Кто воевал, тот знает несравненное чувство победы. Кто испытывал наслаждение этим чувством, тот знает, как оно непомерно.

Ивашин изнемогал от гордости, и он обратился к бойцам:

- Товарищи, этот дом, который мы освободили от захватчиков, не просто дом. - Ивашин хотел сказать, что это здание очень важно в тактическом отношении, так как оно господствует над местностью, но такие слова ему показались слишком ничтожными. Он искал других слов - торжественных и возвышенных. И он сказал эти слова. - Этот дом исторический, -

сказал Ивашин и обвел восторженным взглядом стены, искромсанные пулями.

Савкин сказал:

- Заявляю - будем достойны того, кто здесь жил.

Фролов сказал:

- Значит, будем держаться зубами за каждый камень.

Селезнев сказал:

- Это очень приятно, что дом такой особенный,

А Тимкин - у него нога еще тогда была целая - наклонился, поднял с полу какую-то раздавленную кухонную посудину и бережно поставил ее на подоконник.

Фашисты не хотели отдавать дом. К рассвету они оттеснили наших бойцов на второй этаж; на вторые сутки бой шел на третьем этаже, и когда бойцы уже были на чердаке, Ивашин отдал приказ окружить немцев.

Четверо бойцов спустились с крыши дома, с четырех его сторон, на землю и ворвались в первый этаж. Ивашин и три бойца взяли лежавшее на чердаке сено, зажгли его и с пылающими охапками в руках бросились вниз по чердачной лестнице.

Горящие люди вызвали у фашистов замешательство. Этого достаточно для того, чтобы взорвалась граната, дающая две тысячи осколков.

Ивашин оставил у немецкой противотанковой пушки Селезнева и Фролова, а сам с двумя бойцами снова вернулся на чердак к станковому пулемету и раненым.

Немецкий танк, укрывшись за угол соседнего дома, стал бить термитными снарядами. На чердаке начался пожар.

Ивашин приказал снести раненых сначала на четвертый этаж, потом на третий. Но с третьего этажа им пришлось тоже уйти, потому что под ногами стали проваливаться прогоревшие половицы.

В нижнем этаже Селезнев и Фролов, выкатив орудие к дверям, били по танку. Танк после каждого выстрела укрывался за угол дома, и попасть в него было трудно. Тогда Тимкин, который стоял у окна на одной ноге и стрелял из автомата, прекратил стрельбу, сел на пол и сказал, что он больше терпеть не может и сейчас поползет и взорвет танк.

Ивашин сказал ему:

- Если ты ошалел от боли, так нам от тебя этого не нужно.

- Нет, я вовсе не ошалел, - сказал Тимкин, - просто мне обидно, как он, сволочь, из-за угла бьет.

- Ну, тогда другое дело, - сказал Ивашин. - Тогда я не возражаю, иди.

- Мне ходить не на чем, - поправил его Тимкин.

- Я знаю, - сказал Ивашин, - ты не сердись, я обмолвился.

И он пошел в угол, где лежали тяжелые противотанковые гранаты. Выбрал одну, вернулся, но не отдал ее Тимкину, а стал усердно протирать платком.

- Ты не тяни, - сказал Тимкин, держа руку протянутой. - Может, ты к ней еще бантик привязать хочешь?

Ивашин переложил гранату из левой руки в правую и сказал:

- Нет, уж лучше я сам.

- Как хочешь, - сказал Тимкин, - только мне стоять на одной ноге гораздо больнее.

- А ты лежи.

- Я бы лег, но, когда под ухом стреляют, мне это на нервы действует. - И Тимкин осторожно вынул из руки Ивашина тяжелую гранату.

- Я тебя хоть до дверей донесу.

- Опускай, - сказал Тимкин, - теперь я сам. - И удивленно спросил: Ты зачем меня целуешь? Что я, баба или покойник? - И уже со двора крикнул: - Вы тут без меня консервы не ешьте. Если угощения не будет, я не вернусь.

Магниевая вспышка орудия танка осветила снег, розовый от отблесков пламени горящего дома, и фигуру человека, распластанного на снегу.

Потолок сотрясался от ударов падающих где-то наверху прогоревших бревен. Невидимый в темноте дым ел глаза, ядовитой горечью проникал в ноздри, в рот, в легкие.

На перилах лестницы показался огонь. Он сползал вниз, как кошка.

Ивашин подошел к Селезневу и сказал:

- Чуть выше бери, в башню примерно, чтобы его не задеть.

- Ясно, - сказал Селезнев. Потом, не отрываясь от панорамы, добавил: - Мне плакать хочется: какой парень! Какие он тут высокие слова говорил!

- Плакать сейчас те будут, - сказал Ивашин, - он им даст сейчас духу.

Трудно сказать, с каким звуком разрывается снаряд, если он разрывается в двух шагах от тебя. Падая, Ивашин ощутил, что голова его лопается от звука, а потом от удара, и все залилось красным, отчаянным светом боли.

Снаряд из танка ударил под ствол пушки, отбросил ее, опрокинутый ствол пробил перегородку. Из разбитого амортизационного устройства вытекло масло и тотчас загорелось.

Селезнев, хватаясь за стену, встал, попробовал поднять раненую руку правой рукой, потом он подошел к стоящему на полу фикусу, выдрал его из горшка и комлем, облепленным

землей, начал сбивать пламя с горящего масла.

Ивашин сидел на полу, держась руками за голову, и раскачивался. И вдруг встал и, шатаясь, направился к выходу.

- Куда? - спросил Селезнев.

- Пить, - сказал Ивашин.

Селезнев поднял половицу; высунув ее в окно, зачерпнул снегу.

- Ешь, - сказал он Ивашину.

Но Ивашин не стал есть, он нашел шапку, положил в нее снег и после этого надел себе на голову.

- Сними, - сказал Селезнев. - Голову простудишь. Инвалидом на всю жизнь от этого стать можно.

- Взрыв был?

Селезнев, держа в зубах конец бинта, обматывал им свою руку и не отвечал. Потом, кончив перевязку, он сказал:

- Вы мне в гранату капсуль заложите, а то я не управляюсь с одной рукой.

- Подорвал он танк? - снова спросил Ивашин.

- Я ничего не слышу, - сказал Селезнев. - У меня из уха кровь течет.

- Я как пьяный, - сказал Ивашин. - Меня сейчас тошнить будет, - и сел на пол. А когда поднял голову, он увидел рядом Тимкина и не удивился, а только спросил: - Жив?

- Жив, - сказал Тимкин. - Если я немного полежу, ничего будет?

- Ничего, - сказал Ивашин и попытался встать.

Селезнев положил автомат на подоконник и, сидя на корточках, стрелял. Короткий ствол автомата дробно стучал по подоконнику при каждой очереди, потому что Селезнев держал автомат одной рукой, но потом он оперся диском о край подоконника, автомат перестал прыгать.

Ивашин взял Селезнева за плечо и крикнул в ухо:

- Ты меня слышишь?

Селезнев кивнул головой.

- Иди к раненым, - сказал Ивашин.

- Я же не умею за ними ухаживать, - сказал Селезнев.

- Иди, - сказал Ивашин.

- Да они все равно без памяти.

Ивашин приказал Фролову сложить мебель, дерево, какое есть, к окнам и к двери дома.

- Разве такой баррикадой от них прикроешься? - сказал Фролов.

- Действуйте, - сказал Ивашин, - выполняйте приказание.

Когда баррикада была готова, Ивашин взял бутылку с

зажигательной смесью и хотел разбить ее об угол лежащего шкафа. Но Фролов удержал его:

- Бутылку жалко. Разрешите, я ватничком. Я его в масле намочу.

Когда баррикада загорелась, к Ивашину подошел Савкин:

- Товарищ командир, извините за малодушие, но я так не могу. Разрешите, я лучше на них кинусь.

- Что вы не можете? - спросил Ивашин.

- А вот, - Савкин кивнул на пламя.

- Да что мы, староверы, что ли? Я людям передохнуть дать хочу. Немцы увидят огонь - утихнут, - рассердившись, громко сказал Ивашин.

- Так вы для обмана? - сказал Савкин и рассмеялся.

- Для обмана, - сказал Ивашин глухо.

А дышать было нечем. Шинели стали горячими, и от них воняло паленой шерстью.

Пламя загибалось и лизало стены дома, высунувшись с первого этажа. Когда налетали порывы ветра, куски огня уносило в темноту, как красные тряпки.

Фашисты были уверены, что с защитниками дома покончено, и расположились за каменным фундаментом железной решетки, окружавшей здание.

Вдруг из окон дома, разрывая колеблющийся занавес огня, выскочили четыре человека и бросились на фашистов. Фролов догнал одного у самой калитки и стукнул его по голове бутылкой. Пылая, гитлеровец бежал еще некоторое время, но скоро упал. А Фролов лег на снег и стал кататься по нему, чтобы погасить попавшие на его одежду брызги горючей жидкости.

Лежа у немецкого пулемета, Савкин сказал Ивашину:

- Мне, видать, в мозги копоть набилась, такая голова дурная!

- В мозг копоть попасть не может, это ты глупости говоришь, - сказал Ивашин.

На улицу выполз Селезнев, поддерживая здоровой рукой Тимкина.

- Ты зачем его привел? - крикнул через плечо Ивашин.

- Он уже поправился, - сказал Селезнев. - Он у меня за второго номера сойдет. Нам все равно лежать, а на вольном воздухе лучше.

И снова под натиском фашистов защитники дома вынуждены были уйти в выгоревшее здание. На месте пола зияла яма, полная золы и теплых обломков. Бойцы стали у оконных амбразур на горячие железные двутавровые балки и продолжали вести огонь.

Шли шестые сутки боя. И когда Савкин сказал жалобно, ни к кому не обращаясь: "Я не раненый, но я помру сейчас, если не

засну", никто не удивился таким словам. Слишком истощены были силы людей.

И когда Тимкин сказал: "Я раненый, у меня нога болит, и спать я вовсе не могу", тоже никто не удивился.

Селезнев, которому было очень холодно, потому что он потерял много крови, сказал, стуча зубами:

- В этом доме отопление хорошее. Голландское. В нем тепло было.

- Мало ли что здесь было, - сказал Фролов.

- Раз дом исторический, его все равно восстановят, - сердито сказал Савкин. - Пожар никакого значения не имеет, были бы стены целы.

- А ты спи, - сказал Тимкин, - а то еще помрешь. А исторический или какой - держись согласно приказа, и точка.

- Правильно, - сказал Ивашин.

- А я приказ не обсуждаю, - сказал Савкин. - Я говорю просто, что приятно, раз дом особенный.

Четыре раза фашисты пытались вышибить защитников дома и четыре раза откатывались назад.

Последний раз фашистам удалось ворваться внутрь. Их били в темноте кирпичами. Не видя вспышек выстрелов, фашисты не знали, куда стрелять. Когда они выскочили наружу, в окне встал черный человек. Держа в одной руке автомат, он стрелял из него, как из пистолета, одиночными выстрелами. И когда он упал, на место его поднялся другой черный человек. Этот человек стоял на одной ноге, опираясь рукой о карниз, и тоже стрелял из автомата, как из пистолета, держа его в одной руке.

Только с рассветом наши части заняли заречную часть города.

Шел густой, мягкий, почти теплый снег. С ласковой нежностью снег ложился на черные, покалеченные здания.

По улицам прошли танки. На броне их сидели десантники в маскировочных халатах, похожие на белых медведей.

Потом пробежали пулеметчики. Бойцы тащили за собой саночки, маленькие, нарядные. И пулеметы на них были прикрыты белыми простынями.

Потом шли тягачи, и орудия, которые они тащили за собой, качали длинными стволами, словно кланяясь этим домам.

А на каменном фундаменте железной решетки, окружавшей обгоревшее здание, сидели три бойца. Они были в черной, изорванной одежде, лица их были изможденны, глаза закрыты, головы запрокинуты. Они спали. Двое других лежали прямо на снегу, глаза их были открыты, и в глазах стояла боль.

Когда показалась санитарная машина, боец, лежавший на

снегу, потянул за ногу одного из тех, кто сидел и спал. Спящий проснулся и колеблющейся походкой пошел на дорогу, поднял руку, остановил машину. Машина подъехала к забору. Санитары положили на носилки сначала тех, кто лежал на снегу, потом хотели укладывать тех, кто сидел у забора с запрокинутой головой и с глазами, крепко закрытыми. Но Ивашин - это он останавливал машину - сказал санитару:

- Этих двух не трогайте.

- Почему? - спросил санитар.

- Они целые. Они притомились, им спать хочется.

Ивашин взял у санитара три папиросы. Одну он закурил сам, а две оставшиеся вложил в вялые губы спящих. Потом, повернувшись к шоферу санитарной машины, он сказал:

- Ты аккуратнее вези: это, знаешь, какие люди!

- Понятно, - сказал шофер. Потом он кивнул на дом, подмигнул и спросил: - С этого дома?

- Точно.

- Так мы о вашем геройстве уже наслышаны. Приятно познакомиться, сказал шофер.

- Ладно, - сказал Ивашин. - Ты давай не задерживай.

Ивашин долго расталкивал спящих. Савкину он даже тер уши снегом. Но Савкин все норовил вырваться из его рук и улечься здесь, прямо у забора.

Потом они шли, и падал белый снег, и они проходили мимо зданий, таких же опаленных, как и тот дом, который они защищали. И многие из этих домов были достойны того, чтобы их окрестили гордыми именами, какие носят боевые корабли, например: "Слава", "Дерзость", "Отвага" или - чем плохо? "Гавриил Тимкин", "Игнатий Ивашин", "Георгий Савкин". Это ведь тоже гордые имена.

Что же касается Савкина, то он, увидев женщину в мужской шапке, с тяжелым узлом в руках, подошел к ней и, стараясь быть вежливым, спросил:

- Будьте любезны, гражданочка. Вы местная?

- Местная, - сказала женщина, глядя на Савкина восторженными глазами.

- Разрешите узнать, кто в этом доме жил? - И Савкин показал рукой на дом, который они защищали.

- Жильцы жили, - сказала женщина.

- Именно? - спросил Савкин.

- Обыкновенные русские люди, - сказала женщина.

- А дом старинный? - жалобно спросил Савкин.

- Если бы старинный, тогда не жалко, - сокрушенно сказала женщина. Совсем недавно, перед войной построили. Такой

прекрасный дом был! - И вдруг, бросив на землю узел, она выпрямилась и смятенно запричитала: - Да, товарищ дорогой, да что же я с тобой про какое-то помещение разговариваю, да дай я тебя обниму, родной ты мой!

Когда Савкин догнал товарищей, Ивашин спросил его:

- Ты что, знакомую встретил?

- Нет, так, справку наводил...

Падал снег, густой, почти теплый, и всем троим очень хотелось лечь в этот пушистый снег - спать, спать. Но они шли, шли туда, на окраину города, где еще сухо стучали пулеметы и мерно и глухо вздыхали орудия.

1943